

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛОВЕЦКИХ УЗНИКОВ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: Соловецкий лагерь и тюрьма были порождением и проводником утверждаемой в стране атеистической идеологии, которая вела не только к секуляризации, но и к дегуманизации переживаемых общественных процессов. Негативным тенденциям противостояли ценностные ориентиры заключенных, которые зачастую не находят места в произведениях современных писателей. Это ведет к разрушению традиционных символов и смыслов, которые составляли идеологическую основу художественного творчества и исторической реконструкции соловецких мемуаристов.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий лагерь особого назначения, мемуары, историческая реконструкция.

Об авторе: Вячеслав Вячеславович Умнягин – ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников» (1923–1939). Священник Московского подворья Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря. Адрес: 117534, Москва, ул. Чертановская, 52-1-51. моб.: +7 (916) 1787528. E-mail: solovki-news@yandex.ru

Сегодня наблюдается повышенный интерес к проблематике Соловецкого лагеря и тюрьмы, которой посвящены самые громкие литературные новинки и ожидаемые телевизионные проекты. Такое внимание объясняется понятным стремлением через призму места, где «сконцентрировались и отлились в образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа» [28:4], разобраться в обстоятельствах собственной истории и нащупать возможные пути ее дальнейшего развития.

Особую актуальность в этой связи приобретает не художественная интерпретация известных фактов или создание вымышленных персонажей, но изучение мемуарного наследия

непосредственных участников событий, которое отражает не только различные аспекты минувшей эпохи, но и непреходящие ценности, составляющие основу отечественной культуры и традиций общественной жизни.

Издательский отдел Соловецкого монастыря на протяжении многих лет работает над выпуском книжной серии «Воспоминания соловецких узников» (1923–1939). На сегодняшний день увидели свет четыре сборника, которые рассказывают об истории Соловецкого лагеря особого назначения с момента его основания в 1923 г. по 1931 г. Всего планируется выпустить семь или восемь полновесных томов, опубликовав, таким образом, все доступные мемуары о первом советском концлагере и сменившей его тюрьме.

В серию входят как хорошо известные, так и не печатавшиеся в нашей стране романы, повести, очерки, рассказы, фельетоны, интервью, доклады и статьи, а также неопубликованные рукописи из государственных архивов, библиотечных фондов и частных коллекций. Воспоминания, полностью или фрагментарно, в зависимости от своего объема и того, какая их часть посвящена рассказу о соловецких пенитенциарных учреждениях, размещаются в хронологическом порядке с учетом времени начала и окончания пребывания заключенных на островах беломорского архипелага или на прилегающих к нему материковых территориях. В ряде случаев тексты выходят за границы описания соловецких реалий, что связано с необходимостью пояснить читателю некоторые детали повествования или охарактеризовать лагерных летописцев, в числе которых представители самых разных сословных, этно-конфессиональных, политических и иных социальных групп.

Внутреннему миру мемуаристов при издании книжной серии уделяется особое внимание. История лагеря и тюрьмы, как и прошлое страны, рассматриваются в связи с судьбой писателей и героев их произведений. Помимо аналитических материалов по истории беломорского архипелага и тематических указателей, каждый том включает в себя биографические очерки к входя-

щим в него воспоминаниям. В качестве авторов вступительных статей выступают представители различных научных дисциплин из отечественных и зарубежных академических центров и общественных организаций (ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН, КарНЦ РАН, МГУ, «Мемориал», ПСТГУ, РГБ, САФУ, Соловецкий музей-заповедник и монастырь, University of Glasgow и др.).

Несмотря на то, что бывшие заключенные в принципе декларировали достоверное изложение пережитого опыта, принадлежащие им свидетельства представляют собой примеры художественного воспроизведения прошлого, что, в конечном счете, чаще всего, осознавали и сами авторы, и знавшие их люди. «Мои записки не представляют “объективной истины”, – подчеркивала в начале своих воспоминаний эсерка Е.Л. Олицкая. – Я записала то, что отпечатлелось в моей памяти и так, как оно запечатлелось» [19:7]. Сын писателя О.В. Волкова, сообщает, что известная книга «Погружение во тьму» – «это произведение художественное, в котором избранный жанр предполагает не только отклонения от некоторых фактов, но и допускает прямой художественный вымысел» [5].

Помимо прямого умысла все это объясняется целым рядом причин. Тем, например, что «художник привносит и не может не привносить творческое начало в изображение жизни, в передачу фактов и событий, и тем самым правда искусства отличается от правды жизни, не равна ей, не копирует и не дублирует изображаемый объект» [6:126].

В случае с воспоминаниями о тюрьмах и лагерях ситуация усугубляется в связи с тем, что вплоть до «архивной революции» середины 1990 – начала 2000-х гг., «вся история советских лагерей с самого начала ее описания (за рубежом – с 1930-х гг., в СССР – в 1950-х), в какой бы форме она ни воплощалась, художественной, мемуарной, публицистической или даже научной, была по преимуществу *историей без документов*, т.е. не могла не быть заведомо неполной, во многом односторонней, субъективной, в той или иной мере “легендарной”, апокрифической, в конечном счете, – лишь относительно репрезентативной» [10:131].

Именно по этой причине некоторые специалисты не воспринимают мемуары в качестве серьезных исторических источников, подозревая их в тенденциозности, самооправдании или политической ангажированности, в чем, безусловно, есть своя доля правды. Но, правда есть и в словах Д.С. Лихачева, который признавая, что «мемуары без отдельных ошибок – крайняя редкость», был уверен и в том, что «в очень большом числе случаев мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников» [14:7].

Уверенность академика исходит из того, что документально-художественный жанр позволяет не просто описать то или иное событие, но проникнуть в суть вещей, и, через глубоко личные, экзистенциальные переживания авторов, ставит вопрос о духовно-нравственном измерении истории. Так, по словам уже цитируемого В.О. Волкова, «решающим при оценке книги “Погружение во тьму”, хотелось бы думать, остается главная линия книги – борьба свободной личности против бесчеловечной репрессивной государственной машины, – а эта борьба передана в книге, по общему мнению, совершенно правдиво. И тогда уже не столь существенно, все ли излагаемые частные факты соответствуют реальности в этом художественном произведении» [5].

Упомянутая сверхзадача этого и многих других памятников лагерной прозы не отменяет необходимости научного подхода к изучению прошлого, работы по выявлению читательского адреса воспоминаний, а также явных и скрытых мотивов, разных как для отдельных произведений о Соловках 1920–1930-х гг., так и для различных периодов соловецкой мемуаристики. Обо всем этом будет сказано ниже, как о важной составляющей творчества лагерных летописцев. При этом, с опорой на определение Ю.М. Лотмана, согласно которому одним из основных свойств художественной реальности выступает возможность «отделить то, что входит в самую сущность произведения, без чего оно перестаёт быть самим собой, от признаков, порой очень существенных, но делимых в такой мере, что при их изменении специфика произведения сохраняется» [16:25-26],

будет показан признак, который обеспечивает единство локального текста бывших узников и составляет основу их опыта исторической реконструкции.

Читательский адрес, как и содержание воспоминаний во многом опосредованы временем и местом создания и публикации. Можно выделить довоенный, послевоенный, переходный и современный периоды соловецкой мемуаристики, каждый из которых обладает своими специфическими особенностями.

Начнем с того, что значительная часть произведений появилась еще в годы существования Соловецкого лагеря и тюрьмы. Их авторами становились советские граждане или иностранцы, которым вследствие побега или ходатайства зарубежных держав удалось вырваться за границу. Воспоминания этих лет писались преимущественно для западной аудитории и представляли собой политические памфлеты, которые призывали к борьбе с политическим строем, в чью долговечность писатели не верили и надеялись на его скорое падение.

В творчестве мемуаристов в тот момент доминировало фактическое, несколько отстраненное, претендующее на объективность описание происходящего, нацеленное на то, чтобы привлечь внимание международной общественности к событиям русской жизни, повлиять на судьбу России и населяющих ее народов. При этом, не имея доступа к полноценной информации, писатели нередко и сами опускали известные им подробности, опасаясь нанести вред тем, кто находился в местах лишения свободы и мог пострадать от излишней публичности. Важное место в размышлениях людей дореволюционной формации занимало осмысление «жизненного подвига, заключающегося не столько в терпении многочисленных и на первый взгляд несправедливых бедствий, сколько в глубоком осознании духовного смысла и назначения страдания» [17:325].

Следующий, послевоенный период, строго говоря, начался уже в ходе Второй мировой войны, когда некоторые заключенные начали сотрудничать с коллаборационистскими изданиями. Однако большая часть их свидетельств увидела свет уже после

1945 г. Предназначались они не столько иностранцам, сколько соотечественникам, проживавшим как за границей, так и в СССР, и с учетом осознания долгосрочности советской власти были нацелены не на фактическое, а на идеологическое и духовное освобождение читателей. Возможно, что для большей доверительности мемуаристы подчеркивали личное отношение к событиям мировой истории, что зачастую делалось в ущерб фактической информации. Другими заметными особенностями послевоенных произведений стали их художественная обработка и психологизм.

Переходный период включает в себя два неоднородных направления. Речь идет о воспоминаниях граждан СССР, приступавших к работе без особой надежды на публикацию своих рукописей, а также о всплеске интереса за рубежом к рассказам о местах лишения свободы в Советском Союзе, пиком которого можно считать выход в 1973 г. книги «Архипелаг ГУЛАГ». Не связанные друг с другом напрямую, оба эти направления пересекались на уровне выхода редких зарубежных изданий, недоступных, впрочем, для российских читателей.

Современный период освоения соловецкой темы начался в годы перестройки. Принципиальным его отличием стал качественный рост числа публикаций о советской системе исполнения наказания и наличие обширной читательской аудитории. Но с точки зрения содержания данный этап можно считать продолжением предыдущего. Основу этих литературных памятников составляет «художественная автобиография в узком смысле, рассказ о личной судьбе писателя, о спутниках его жизни, о событиях, свидетелем которых он был, в конечном счете – о судьбах эпохи, современником которой довелось быть писателю» [12:86].

Соловецкие пенитенциарные учреждения в воспоминаниях этого периода чаще всего рассматриваются в контексте всей истории ГУЛАГа и личной судьбы, почему многие тексты носят обобщающий и сравнительный характер. Произведения, созданные спустя десятилетия после освобождения, отличается взвешенный подход, а место религиозной оценки событий занимает эти-

ческий анализ описываемых событий, что объясняется составом мемуаристов, большинство из которых духовно формировалось уже в советское время.

Последними новациями в изучении литературного наследия соловецких узников можно считать, во-первых, систематическое переиздание их воспоминаний, а во-вторых, появление целого ряда исторических романов («Обитель», «Авиатор»), формирующих новое представление о прошлом.

Переходя к явным и скрытым мотивам мемуаров, можно условно разделить то, что писалось для историков, и то, что писалось для истории. В первом случае речь идет не столько о представителях академической науки, сколько о потенциальных биографах, взыскательных потомках или современниках, которым мемуаристы хотели пояснить те или иные поступки или модели своего поведения. Такие сообщения нередко касались деликатных и даже неудобных вопросов, в связи с чем, ответы на них носили оправдательный характер и не всегда соответствовали действительности.

Сведения, посвященные описанию условий жизни и содержания под стражей, наоборот, вполне реалистичны, и во многом компенсируют отсутствие архивных документов соловецких пенитенциарных учреждений. Например, сразу в нескольких воспоминаниях упоминается число жертв тифозной эпидемии 1929–1930 гг., которое согласно оценивалось незнакомыми между собой людьми в 20 000 заключенных. Такая цифра никак не подтверждается статистическими данными, но указывает на наличие общего источника информации. Наиболее определенно об этом писал М.З. Никонов-Сморodin, который утверждал, что «к весне, по официальным данным, погибло от тифа 7 500 человек. Кемперпункт и его командировки дали 11 500 умерших от тифа» [18:204]. Он же объяснил и то, каким образом мемуаристы могли черпать подобные секретные сведения. «Тиф начал свирепствовать по настоящему, и официальные лагерные приказы сопровождались длинными списками умерших от тифа, исключаемых по этому случаю с довольствия. Эти лагерные приказы

рассылались по всем командировкам острова, в том числе и в наше звероводное хозяйство. Попадали они обычно в руки начальников охраны и являлись документами секретными. Но у нас не было охранника и потому приказы попадали в контору, то есть к нам в руки. Благодаря этому мы могли следить за лагерной жизнью по документам, а не по слухам» [18: 203].

Разумеется, эти и другие излагаемые в воспоминаниях факты требуют критического отношения, но в целом они лишены значительных систематических преувеличений. Встречающиеся в них противоречия скорее отражают постоянно меняющиеся контуры и порядки системы исполнения наказания в СССР, находившейся в первые десятилетия своего существования в фазе активного развития, нежели являются сознательным искажением действительности. Даже самые жуткие, казалось бы, невозможные свидетельства находят свое подтверждение в официальных отчетах советских деятелей.

Один из них представляет собой докладную записку начальника Юридического отдела ГПУ В.Д. Фельдмана, который в сентябре 1923 г. провел обследование Северных лагерей ГПУ. Из документа следует полная осведомленность составителя о катастрофическом положении лишенных свободы людей, которое складывалось на фоне голода, холода, болезней и нарушения элементарных санитарных норм. Партийный функционер указывал на многочисленные ущемления гражданских прав (задержка писем, отсутствие газет, ненормированный рабочий день), преступления против жизни и здоровья заключенных со стороны представителей лагерной администрации (избиения, издевательства, расстрелы под видом побега). Немаловажно и то, что советский юрист демонстрировал понимание побудительных причин происходящего (желание команды надзора из числа заключенных выслужиться перед руководством), и высказывал намерение исправить положение дел [9:376-381].

Последнее так и не перешло в практическую плоскость – проштрафившееся начальство оставалось на своих местах, не изменилось и отношение к каторжанам. Особенно ярко это про-

явилось спустя несколько лет, когда выяснилось, что «сосна пахнет валютой», и у представителей центральных и местных властей возникло предположение, что рабский труд сможет приносить государству ощутимую прибыль.

Период окончательного формирования ГУЛАГа на рубеже 1920–1930-х гг. совпал с деятельностью комиссии Коллегии ОГПУ под председательством А.М. Шанина. В ее задачи входил анализ соловецкого опыта с целью его последующего использования при организации новых лагерей. Очередное расследование подтвердило основные выводы В.Д. Фельдмана, и, тем самым, неизбежность методов содержания заключенных. В отчете вновь упоминаются убийства, случаи смерти от истощения и простудных заболеваний, инсценировки расстрелов, избиения, пытки холодом и голодом, понуждение к сожительству, присваивание денег и вещей, повальное пьянство и хулиганские выходки представителей администрации, отсутствие медицинского обслуживания, задержка писем и проч. [11:385-393]

Помимо исторических фактов и бытовых зарисовок, литературное наследие бывших узников включает в себя рассказы о наиболее выразительных сторонах пребывания в неволе. К ним относятся истории побега и жизни за границей, рассказы об отношениях с уголовными преступниками и представителями иных этноконфессиональных групп, передача восприятия природы, оценка значения интеллектуальной деятельности и труда в судьбе каторжан. Базируясь на фактических сведениях, перечисленные сюжеты задают онтологическую проблематику, в свете которой на первый план выходит диалог с Богом или другим идеальным началом, определяющим в глазах человека бытие мира и населяющих его людей. Такое диалогическое общение выявляет социальные вызовы, ответом на которые становилось то или иное произведение или отрывки, посвященные описанию емких тем, побуждающих мемуаристов к ценностной рефлексии.

При этом основным вызовом, требующим физического преодоления и последующего осмысления, оказывалось пребывание в пенитенциарных учреждениях, которые самим фактом

своего существования бросали вызов естественным потребностям человека, общепринятым правовым нормам, социальным традициям и известным верованиями. Ответом на все эти внешние факторы становилось внутреннее противостояние человека системе подавления личности. Внимательное обращение к мемуарному наследию соловчан указывает на то, что люди, которые не просто выжили в тюрьмах и лагерях, но сумели сохранить определенный нравственный уровень и творческую активность чаще всего были не лишены стремления к духовно-нравственным ценностям. Наблюдаемая общность, которая по нашему мнению составляет важнейший признак воспоминаний о Соловках 1920–1930-х гг., объясняется целым рядом причин. В том числе, причастностью к обусловленной религиозными нормами морали и принадлежностью мемуаристов к литературной традиции, которая, по словам Д.С. Лихачева, «не всегда идеализирует действительность, но всегда борется за идеал» [15].

На действие религиозного фактора указывает то, что даже те, кто открыто заявляли о своем безбожии и выступали с антиклерикальной критикой, на практике нередко использовали церковную лексику и демонстрировали жертвенную преданность своим представлениям об истине. Ярким примером здесь является А.П. Скрипникова. Критикуя христианство, она именovala себя то философом, сродни растерзанной чернью Ипатии, то пантеисткой в духе Спинозы, и позволяла себе массу высказываний, далеких не только от церковного благочестия, но и общепринятых нравственных норм. Вместе с тем, на страницах своего романа автор неоднократно подчеркивала мысль о том, что именно «религиозные люди – настоящие политзаключенные в советских лагерях» [24:177]; а, характеризуя себя последовательной атеисткой, выступала не менее последовательной и энергичной защитницей верующих женщин, демонстрируя тем самым не только уважение, но и внутреннее родство с ними.

На все эти особенности характера романистки, отразившие специфику породившей ее эпохи богоискательства, указывал А.И. Солженицын, писавший: «Тринадцати лет она “эман-

сипировалась от Бога», перестала верить. В пятнадцать лет она усиленно читала отцов Церкви – исключительно для яростного опровержения батюшки на уроках, к общему удовольствию соучениц. Впрочем, стойкость старообрядцев она взяла для себя в высший образец. Она усвоила: лучше умереть, чем дать сломать свой духовный стержень» [25:533].

Духовное противостояние продолжалось и после освобождения, во время работы над мемуарами. «Вспоминать и облагораживать – это в моей душе, по крайней мере, единый и неделимый акт, – писал о своем мемуарном методе историк Н.П. Анциферов. – Преступление нашей жизни память облагораживает путем стыда и раскаяния, образы страстей – путем охлаждения и одухотворения; значительные переживания, даруемые жизнью, испещренные будничными случайностями, сгущаются памятью в сплошные духовные массивы, и даже серость будней превращается из простой бесцветности в ценный момент красочной сложности жизни» [2].

Такую сублимацию, свойственную многим мемуаристам, нельзя расценивать как уход от реальности, попытку отгородиться от жизни или оправдать происходящее в мире зло. Скорее это нормальная реакция зрелой творческой личности, нацеленной на позитивное отношение к миру и созидательной деятельности, чаще всего происходящей не благодаря, а вопреки окружающим человека обстоятельствам. Наиболее хрестоматийно такое мировосприятие выразилось в подвиге монахов, которые основав обитель Преображения Господня на пустынном Соловецком архипелаге, облагородили, одухотворили, преобразили некогда дикий край, превратив его в самобытный центр русской цивилизации. При этом необходимо отметить, что «стремление средневековых подвижников удалиться в лесные дебри и на дальние острова, в места необжитые, еще не освященные христианской молитвой, было связано с представлением, что в таких местах господствуют силы зла, с которыми и призван бороться монах» [13:67-68].

Лагерные воспоминания о Соловках, таким образом, ста-

новились своеобразным продолжением духовного подвига и отражали извечную борьбу с объективными трудностями и метафизическим злом, которая велась на Соловках вначале братией, а затем невольными насельниками упраздненного монастыря. Очевидно, что такая связь могла не осознаваться всеми мемуаристами, а культивируемые в обществе религиозные и вытекающие из них социально-культурные нормы не всегда соблюдались в полной мере и даже сознательно нарушались ими в повседневной жизни. Но, как любой нарратив, имеющиеся нормы накладывали отпечаток на мировоззрение человека и в случае крайних испытаний проявлялись в поступках и в мемуарном творчестве бывших заключенных.

Об этом говорит то, что принадлежащие им произведения нередко сочетали описание правды жизни с раскрытием сословных, этно-конфессиональных, гражданских и политических идеалов. Для примера приведем лишь некоторые из них. «Я дважды чуть не совершил этот грех: в первый раз, когда меня брали, я выстрелил в сердце, но пуля прошла левее, и меня вылечили в тюрьме; во второй раз я пытался повеситься на спинке кровати в камере на Лубянке, но и здесь мне помешали. После этого я долго размышлял и молился и принял твердое решение не выбирать легкий путь ценой тяжкого греха. Я религиозный человек...» [27:125]; «Держись до конца. Держись, пока не упадешь. Стыдно тебе, старому солдату, распускаться» [23:682]; «Я пережил чувство гордости за своих коллег. Мы, представители “гнилой интеллигенции”, в большинстве устояли. Не писали “романов”. А собранные следствием романы были настолько жалки, что не дали материала для постановки “шахтинского” дела научной интеллигенции» [1:374]; «Неужели даже здесь, среди несчастных, едущих, может быть, на свою гибель, всякий вор будет безнаказанно пользоваться своим правом сильного? И старики будут гибнуть только потому, что они не приспособлены к такой звериной борьбе за свое существование? Я вообще – сдержанный человек. Никогда еще ни в боксерских матчах, ни в многочисленных драках я не бил со злобой. Моим кулаком управлял

либо спортивный азарт, либо чувство самозащиты. Но на этот раз я ударил не только со всей силой, но и от всего своего сердца, со всей яростью, облегчая этим свою душу от невысказанного протеста» [26:360]; «Когда я разнесла кучки по нарам, – сперва шепотом, потом все громче, – поднялся ропот. Оказывается, я разделила неправильно. Надо было делить не на равные кучки, а пропорционально собранным деньгам. Почему выделен лук тем, кто не вносил денег? То есть тем, у кого их не было... Сперва я не поняла. Потом растерялась. Всего, кажется, я могла ждать от заключенных со мной каких ни каких, а все-таки коммунисток, но этого!.. Кажется, на глазах у меня даже выступили слезы» [20:210].

Отметим, что такие идеалы были не только известны, но и востребованы всеми участниками литературного процесса. Сотрудник журнала «Грани» в своей рецензии на «Неугасимую лампаду» Б.Н. Ширяева, особенно подчеркивал, что «соловецкие ужасы автор не смакует, а отодвигает на задний план. Передний же – почти радостный, “утешительный”. Все его внимание сосредоточено на “жемчужинах духа”, концлагерная обстановка их лишь оттеняет...» [3:140]

Разумеется, религиозная составляющая наиболее ярко проявляла себя в литературном наследии верующих авторов. Но сказанное относится к творчеству подавляющего большинства соловецких мемуаристов, которые искали и находили «жемчужины духа» в собственных поступках и поступках окружающих людей. Это нередко отсутствует у современных писателей. Пренебрегая историческим контекстом в реконструкции событий недавнего прошлого, они вкладывают в свои произведения не всегда правомочные личные нравственные и философские оценки. Показательным примером здесь является «Обитель» З. Прилепина, в глазах которого особенности конкретной исторической эпохи и жанровое разнообразие литературы нивелируются перед желанием читателя увидеть в произведении искусства лишь отражение собственного мировосприятия. «Меня совершенно не волнует, что происходит у читателя в голове. Да это и неважно, –

говорит писатель в одном из своих многочисленных интервью. – Действие может происходить в 20-е годы XX века, а может – в X веке, а может – на Луне среди зеленых человечков... Люди просто угадывают свои эмоции, свои страсти, и это самое главное. А все остальное они могут даже не воспринимать. Одни читают как любовный роман, другие – как плутовской роман, третьи – как трагедию. Люди ищут и находят там что-то свое. И выясняют, что ничего не изменилось. Это же просто про людей» [21].

В действительности люди со временем изменяются, также как меняются их аксиологические запросы и установки. Такой вывод подтверждает природа новизны популярного романа, о которой автор говорил неоднократно: «Вообще, о Соловках до меня не писали. Разве что в житиях, но художественных текстов не было. Я открываю новое» [22]. На самом деле, новацией произведения стала не новизна обращения к теме, а то, что место идеала в «Обителях» занял потерявший идеалы, лишенный покрова и содержания человек («Обычный голый русский человек. Зовут Артем. Он без убеждений: ни правый, ни левый») [22]; или, «пацан» – «сегодняшний парень, из всех форм рефлексии обладающий только ощущениями, а из всех ощущений хорошо знающий только физиологию своего тела» [7].

От лица такого человека писатель рассказывает малоутешительную и ничего не проясняющую историю, которая, если судить по успеху произведения, вполне отвечает запросам современной читательской аудитории. Те же читатели, большинство которых чаще всего основывают свои представления о прошлом на сочинениях беллетристического толка и исходят в познании истории из уже вложенных в них образов, устоявшихся в общественном сознании или вновь создаваемых стереотипов, высказываясь об еще одном соловецком романе – «Авиаторе» Е.Г. Водолазкина, используют весьма показательные сравнения. «Могу только сравнить с другой прочтенной книгой по этой теме – с “Обителью”, – пишет в своем отзыве на произведение участница одной из социальных сетей. – Описание работ, насилия, штрафизолятора Секирки скорее совпадают. “Обитель” не

оставляет такого тягостного впечатления, потому что для описания лагеря автор провёл своего героя через различные возможные там судьбы и положения. Герою же “Авиатора” достался только Соловецкий ад» [8].

Вторит читателям и профессиональный критик, утверждая, что «Соловки описаны у Водолазкина по-шаламовски страшно – куда жестче, например, чем в прилепинской “Обители”» [29]. И это при том, что сам автор «Авиатора» относит себя и Прилепина к восприемникам соловецких мемуаристов: «Среди основных текстов, на которых основывались Захар и я, – “Неугасимая лампада” Бориса Ширяева, – говорит он. – Это потрясающая книга. Совершенно удивительная. Несмотря на то, что она описывает соловецкие страдания и ужасы, читателя не охватывает чувство безнадежности» [4].

Подобное противоречие между вполне благими художественными замыслами, реальным восприятием и трактовкой текста, говорит о заметном расхождении в пространстве современной литературы художественной правды и правды жизни, которые в предшествующие эпохи и в глазах писателей, и в глазах читателей, сходились в точке религиозных, этических и эстетических идеалов. Сегодня этого пересечения может и не происходить, как при обращении к уже имеющемуся культурному наследию, так и в случае с новыми художественными произведениями.

Скрытая девальвация или сознательная подмена идеалов, изъятие шкалы ценностей из общественных и творческих процессов, объясняемое желанием избавиться от иллюзий в восприятии прошлого – и вообще от иллюзий, как проявления высшего и ценного – оказывают заметное влияние на понимание собственных цивилизационных основ, весьма отличных от предлагаемых сегодня моделей поведения и социального развития.

Между тем без учета высших ценностей, составляющих основу мировоззрения тех же соловецких узников, непонятыми остаются основной посыл их мемуарного наследия и личный опыт исторической реконструкции. Этот бесценный опыт базируется на таких основополагающих и связанных между собою

понятиях, как: святость, жертвенность, любовь, долг, честь, которые раскрывают подлинный смысл исторического процесса, и являются залогом культурного и духовного развития общества.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с.
2. *Анциферов Н.П.* О памяти // Николай Анциферов. Из неопубликованного / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Крейцер // Звезда. 2014. №8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/8/6an.html>
3. *Арсеньев В.* «Свет во тьме...» // Грани. 1955. №24. С. 140-141.
4. *Водолазкин Е.Г.* Интервью сайту «Год литературы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu>
5. *Волков В.О.* Письма Д.С. Лихачева О.В. Волкову и его семье. Наше наследие. 2008. №87 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledierus.ru/podshivka/8709.php>
6. *Гей Н.К.* Образ и художественная правда // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: Изд-во РАН. 1962. С. 115–148.
7. *Гушанская Е.М.* Обитель или острог? // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 15 сент.
8. *Дарья.КР.* Оценка «пять», полёт нормальный [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bookmix.ru/review.phtml?rid=156143#reviews>
9. Доклад Коллегии ГПУ начальника Юридического отдела ГПУ В. Д. Фельдмана о результатах обследования Северных лагерей ГПУ от 20 сентября 1923 г. // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.:

- сб. статей / под ред. Д.Б. Павлова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 376–381.
10. *Есипов В.В.* Об историзме «Колымских рассказов» // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сб. статей / Сост. и ред. С.М. Соловьёв. М.: Литера, 2013. С. 131–140.
 11. Из доклада Особой комиссии по обследованию Соловецких лагерей под председательством секретаря Коллегии ОГПУ А.М. Шанина Коллегии ОГПУ о положении заключенных в Соловках // Там же. С. 385–393.
 12. Краткий словарь литературоведческих терминов / Сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев М., 1978. 223 с.
 13. *Лаушкин А.В.* Преподобный Савватий и пятисотлетняя традиция соловецкого отшельничества // Соловецкое море. 2009. №8. С. 67–77.
 14. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб: Logos, 1995. 519 с.
 15. *Лихачев Д.С.* От Илариона и до Аввакума [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/drev_cult/illarion.pdf
 16. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста // О поэтах и поэзии. СПб: «Искусство-СПб», 1996. С. 25–26.
 17. *Московская Д.С.* «Я нашел в жизни то, что искал» // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2015. Т. 3. С. 348–349.
 18. *Никонов-Сморodin М.З.* Красная каторга. София: Изд-во Н.Т.С.Н.П., 1938. 371 с.
 19. *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. В 2 кн. Frankfurt/M: Посев, 1971. Кн. 1. 318 с.
 20. *Олицкая Е. Л.* Мои воспоминания. В 2 кн. Frankfurt/M: Посев, 1971. Кн. 2. 270 с.
 21. *Прилепин З.* «Русская литература – не общество гуманистов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20160616/1448723647.html>

22. *Прилепин З.* «Сюжет новой книги родился после того, как мы с Велединским съездили на Соловки» // Вечерняя Москва. 2014. 8 апр.
23. *Седерхольм Б.Л.* В разбойном стане: Три года в стране концессий и «Чеки» (1923–1926) // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2013. Т. 1. С. 665-708.
24. *Скрипникова А.П.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2016. Т. 4. С. 171-323.
25. *Солженицын А.И.* Анна Петровна Скрипникова // Архипелаг ГУЛАГ. Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 2006. Ч. III–IV. С. 533-539.
26. *Солоневич Б.Л.* Молодежь и ГПУ // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2014. Т. 2. С. 356-426.
27. *Чирков Ю.И.* А было всё так... М.: Политиздат, 1991. 382 с.
28. *Чистов К.Н., Бернштам Т. А.* Введение // Русский Север: Историко-этнографический сборник. СПб., 1992. С. 4.
29. *Юзефович Г.* «Авиатор» Евгения Водолазкина. И еще пять книг о человеке и времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina>